

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск VI

Русский бог войны: исследования и источники по истории отечественной артиллерии

ЧАСТЬ III

Санкт-Петербург
2017

Редакция журнала:
К.В. Нагорный
В.В. Пенской
А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук О.В. Ковтунова
кандидат исторических наук А.Н. Лобин
кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков
кандидат исторических наук Е.И. Юркевич
Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск. VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии — Ч. III. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_6>

УДК 94(47).04=161.1(045)'+'(470.2)
ББК 63.3(2)46

Орленко С.П. Железные пушки Оружейной палаты XVII в. и парадное орудие из собрания Музеев Московского Кремля

Статья посвящена исследованию истории создания и использования в придворном церемониале парадных железных «заварных» пушек во второй половине XVII века. На основе архивных материалов рассматривается организационная и производственная деятельность ведомства Оружейной палаты по созданию группы парадных орудий. Статья содержит развернутое и подтвержденное источниками обоснование атрибуции железной парадной пушки из собрания Музеев Московского Кремля.

Ключевые слова: Россия, XVII век, Оружейная палата, железные пушки, парадные орудия, придворный церемониал, Ермолай Федоров, Богдан Хитрово.

Автор: Орленко Сергей Павлович Кандидат исторических наук, ведущий сотрудник Музеев Московского Кремля, заведующий сектором Оружия и конского убранства. Хранитель коллекций доспеха и артиллерии. Область научных интересов: оружиеведение, история Оружейной палаты XVII века, военная история XVII века.

orlenko@kremlin.museum.ru

Литература, использованная в статье:

Орленко С.П. Мечи и протазаны. К вопросу о церемониальных новациях русского двора второй половины XVII века // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. — М., 2014. — Вып. 22.

Орленко С.П. [Русские щиты Оружейной палаты XVII века](#) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14-16 мая 2014г. — СПб., 2014. — Ч. III.

Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. [Каталог материальной части отечественной артиллерии](#). — Л., 1961.

Чубинский А.Н. Василий Титов и Ермолай Федоров – самопальные мастера Оружейной палаты второй половины XVII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. — СПб., 2013. — Ч. IV.

Пугач И.В. Устюжна Железнопольская в XVI-XVII веках // Устюжна: Краеведческий альманах. — Вологда, 2002. — Вып. 5.

Яковцевский Б.М. Пищали и самопалы Устюжны Железнопольской // Устюжна: Краеведческий альманах. — Вологда, 1995. — Вып. 3.

Ed. E. Heer. Der Neue Stockel. — Schwabisch Hall, 1979. — Т. 2.

Гамель И. [Описание Тульского оружейного завода, в историческом и техническом отношении.](#) — М., 1826.

Кошман Л.В. Мануфактура // Очерки русской культуры XVII века. — М., 1979. — Т. 1.

Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. — М., 1984. — Вып. 4.

Яковлев Л.П. Русские старинные знамена // Древности Российского государства. Дополнение к III отделению. — М., 1865

Treasures of the Moscow Kremlin. Arsenal of the Russian Tsars. A Royal Armouries Exhibition. — Hampshire, 1998.

Новоселов В.Р. Судьба арсенала Троице-Сергиевой лавры: мифы и документы // Материалы и исследования Музеев Московского Кремля. — М., 2012. — Вып. XXI.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2017/03/29/orlenko>

Ссылка для печатных изданий:

Орленко С.П. Железные пушки Оружейной палаты XVII в. и парадное орудие из собрания Музеев Московского Кремля [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. — Ч. III. — С. 341-383 <<http://www.milhist.info/2017/03/29/orlenko>> (29.03.2017).

Orlenko S. Iron cannon and ceremonial weapons dated from second part of the seventeenth century, which held at the Museum of the Moscow Kremlin Armory collection

The article explores historical development and use of ceremonial weapons and iron cannon at the court of the Muscovy tsars during the second part of the seventeenth century. Using the vast array of archival documents the author discusses the organizational structure and daily production at the armory when it was decided to cast a set of ceremonial iron cannon.

Keywords: Muscovy; the seventeenth century; iron cannon; court ceremony; Ermolaj Fedorov; Bogdan Khitrovo.

Author: Dr. Sergey P. Orlenko is a senior research fellow at the Museum of the Moscow Kremlin, section of the arms and armor. He specializes in the general military history, history of the Kremlin Armory and military weaponry.

orlenko@kremlin.museum.ru

References:

Orlenko S.P. Mechi i protazany. K voprosu o ceremonial'nyh novacijah russkogo dvora vtoroj poloviny XVII veka [Swords and patasani] // Materialy i issledovanija. Muzei Moskovskogo Kremlja. — M., 2014. — Vyp. 22.

Orlenko S.P. [Russkie shhity Oruzhejnoj palaty XVII veka](#) [Russian shields, Armory of the XVII century] // Vojna i oruzhie: Novye issledovanija i materialy. Trudy Pjatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 14-16 maja 2014g. — SPb., 2014. — Ch. III.

Vyshenkov V.P., Makovskaja L.K., Sidorenko E.G. [Katalog material'noj chasti otechestvennoj artillerii](#) [Catalog material parts of Russian artillery]. — L., 1961.

Chubinskij A.N. Vasilij Titov i Ermolaj Fedorov – samopal'nye mastera Oruzhejnoj palaty vtoroj poloviny XVII veka [Vasily Titov and Yermolai Fedorov – gunsmith Armory the second half of the XVII century] // Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy. — SPb., 2013. — Ch. IV.

Pugach I.V. Ustjuzhna Zhelezopol'skaja v XVI-XVII vekah [Ustjuzhna Zhelezopol'skaja XVI-XVII centuries] // Ustjuzhna: Kraevedcheskij al'manah. — Vologda, 2002. — Vyp. 5.

Jakovcevskij B.M. Pishhali i samopaly Ustjuzhny Zhelezopol'skoj [Guns of Ustyuzhna Zhelezopol'skaja] // Ustjuzhna: Kraevedcheskij al'manah. — Vologda, 1995. — Vyp. 3.

Ed. E. Heer. Der Neue Stockel. — Schwabisch Hall, 1979. — T. 2.

Gamel' I. [Opisanie Tul'skogo oruzhejnogo zavoda, v istoricheskom i tehničeskom otnoshenii](#) [Description of the Tula arms factory, in the historical and technical aspects]. — M., 1826.

Koshman L.V. Manufaktura [Manufaktura] // Oчерki russkoj kul'tury XVII veka. — M., 1979. — T. 1.

Larchenko M.N. K voprosu o rabote tak nazyvaemyh «pol'skih» masterov v Oruzhejnoj palate vo vtoroj polovine XVII veka [To the question of the so-called "Polish" of masters in the Armory in the second half of the XVII century] // Materialy i issledovanija. Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlja. — M., 1984. — Vyp. 4.

Jakovlev L.P. Russkie starinnye znamenaja [Russian old flags] // Drevnosti Rossijskogo gosudarstva. Dopolnenie k III otdeleniju. — M., 1865

Treasures of the Moscow Kremlin. Arsenal of the Russian Tsars. A Royal Armouries Exhibition. — Hampshire, 1998.

Novoselov V.R. Sud'ba arsenala Troice-Sergievoj lavry: mify i dokumenty [The fate of the Arsenal of the Trinity Sergius Lavra: myths and documents] // Materialy i issledovanija Muzeev Moskovskogo Kremlja. — M., 2012. — Vyp. XXI.

Internet link:

<http://www.milhist.info/2017/03/29/orlenko>

Reference:

Orlenko S. Iron cannon and ceremonial weapons dated from second part of the seventeenth century, which held at the Museum of the Moscow Kremlin Armory collection [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2017. — Special edition VI. Russian "God of War": studies and sources on the history of Russian artillery — Vol. III. — P. 341-383 <<http://www.milhist.info/2017/03/29/orlenko>> (29.03.2017).

С. П. Орленко

ЖЕЛЕЗНЫЕ ПУШКИ
ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ
XVII В.
И ПАРАДНОЕ ОРУДИЕ
ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЕВ
МОСКОВСКОГО
КРЕМЛЯ

Данная работа продолжает ряд исследований, посвященных парадно-церемониальным новациям русского двора второй половины XVII века и роли Оружейной палаты в обеспечении этих мероприятий¹.

Более или менее экзотические предметы оружия, доспеха и снаряжения в значительных количествах изготавливались мастерами Оружейного приказа или изыскивались в составе государственной Оружейной казны. В собрании Музеев Московского Кремля хранится ряд памятников, созданных для чинов государева двора, которые принимали участие в царских выездах и походах, встречах иностранных дипломатов и важных гостей. Весьма эффектным элементом московских церемониальных мероприятий была демонстрация необычных парадных орудий на украшенных станках (лафетах) в окружении прислуги в форменных кафтанах с пушкарскими знаками — аламами и парадными пальниками в руках.

Принято полагать, что инициатором новаций в парадно-церемониальной сфере в этот период был оружничий Богдан Матвеевич Хитрово. Градостроитель, дипломат, товарищ царя Алексея Михайловича по военным походам, блестящий придворный и любитель искусств Б.М. Хитрово обладал широким кругозором и, что особенно важно, способностью увлечь государя необычными и яркими начинаниями. Используя возможности вверенных ему кремлевских мастерских, оружничий Хитрово сумел насытить новой атрибутикой элементы древних дворцовых церемоний, придав им чрезвычайно эффектные и порой весьма неожиданные формы. Залогом успешной карьеры

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ. Проект 17-01-00286.

Б. М. Хитрово на посту заведующего придворными мастерскими было умение с высокой степенью соответствовать пожеланиям и увлечениям царя Алексея Михайловича, предугадывать их, а в ряде случаев и самому инициировать.

Интерес к оружию и военному делу у царя Алексея Михайловича присутствовал постоянно. В конце 1650-х — начале 1660-х гг. царя особенно увлекли технические новинки в области артиллерии. Возможно, определенную роль в этом сыграла активная деятельность полковника Николая Баумана — датского подданного голштинского происхождения, поступившего на русскую службу в начале 1658 г. Опытный военный и грамотный инженер, Н. Бауман много сделал для реорганизации русской артиллерии, пытаясь упорядочить калибры и типы орудий, изобретая новые пушки, мортиры и артиллерийские снаряды. В апреле 1659 г., во время беседы с секретарем датского посольства Андреем Роде полковник Н. Бауман рассказал о ряде своих проектов, а также показал дипломату чертеж пушки, якобы изобретенной лично царем Алексеем Михайловичем².

Едва ли активный интерес государя к *«пушечным делам»* мог ускользнуть от внимания оружничего Б. М. Хитрово. Однако в России XVII века производством артиллерийских орудий ведал Пушкарский приказ. Данное обстоятельство не смутило Богдана Матвеевича, он сумел изыскать возможности для производства пушек. Для этого ему потребовалось решить ряд сложных организационных и технических вопросов. Разумеется, пушки Оружейной палаты должны были существенно отличаться от обычных строевых орудий, в противном случае затея была бы лишена смысла.

Самые ранние упоминания о *«пушечном деле»* удалось найти в делопроизводстве Оружейного приказа за 1661 г. На тульские заводы *«к государеву пушечному делу»* были посланы самопальные мастера Оружейной палаты Ермолай Федоров, Артемий Безмин и Иван Константинов³.

Имя Ермолая Федорова можно считать относительно известным. Как пушечный мастер он фигурирует в указателе В. Ф. Железнова⁴. В каталоге материальной части отечественной артиллерии Ермолая Федорова называют создателем двух парадных орудий, хранящихся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск

связи в Санкт-Петербурге (ВИМАИВиВС)⁵. Мастер упоминается в статье «Артиллерия» Большой советской энциклопедии⁶. Как предполагаемый (со знаком вопроса) автор парадного железного орудия из собрания Музеев Московского Кремля Ермолай Федоров обозначен А. Н. Чубинским в буклете-каталоге выставки «Мастерство русских оружейников», проходившей в Самаре в 2011 г. Обоснований атрибуции и указаний на источники данная публикация не содержит⁷. Самопальным мастерам Василию Титову и Ермолаю Федорову посвящена статья А. Н. Чубинского. В ней рассматриваются некоторые эпизоды биографии Е. Федорова, упоминается ряд его работ, в том числе и как пушечного мастера⁸.

Ермолай Федоров был принят в жалованные мастера Оружейной палаты в 1656 г. В росписи оружейной казны, что была с государем Алексеем Михайловичем в Рижском походе 1656 г., упомянут карабин со стволом работы Е. Федорова⁹. Сам Ермолай в составе группы из одиннадцати мастеров под руководством Григория Вяткина также выступил в поход под Ригу, сопровождая государеву походную оружейную казну. 26 мая из похода *«на государевом стану в Вязьме»* была писана царская грамота в Москву боярину князю Григорью Семеновичу Куракину с товарищами о том, что к ним из похода послан Оружейного приказу мастер Ермола Федоров *«...и вы б из нашии казны из Оружейного приказу велели ему Ермоле дати пять пудов пороху доброго, да дватцать пять раковин, да пять фунтов клею рыбы и под ту нашу казну подводу дати с проводником и велеть ему ехать за нами наспех не мотчав ни часу»*¹⁰. После того как Ермола выполнил поручение, он вновь присоединился к «походной» группе мастеров. В июне 1657 г. Ермоле Федорову и другим мастерам *«...которые вси мастера были за государем под Ригою»* дали «за шубы» по полтора рубля человеку¹¹. Согласно выписке из расходной книги Оружейного приказа 165 (1656/1657) г. Ермолай получал 11 рублей годового оклада и денежного корма по 4 деньги на день¹².

Сведениями о месте жительства и службы Е. Федорова до поступления в Оружейную палату мы не располагаем. Косвенным свидетельством немосковского происхождения мастера является приобретение им двух дворов в Бронной слободе. Стремясь компенсировать кадровые потери от чумы 1654 г., администрация Оружейной палаты

вызывала в Москву мастеров из русских провинциальных городов и земель, отвоеванных у Речи Посполитой. Переселенцев размещали в Бронной слободе, где после «*морового поветрия*» оставалось немало пустых дворов. Желаящим администрация палаты помогала приобрести дворы в собственность, частично субсидируя покупку. Приобретенные Ермолой Федоровым дворы располагались на улице Серебряных мастеров неподалеку друг от друга, хотя и не граничили между собой¹³.

Возможно, у Ермолая Федорова была большая семья. Сегодня нам известны лишь те члены семьи мастера, чей жизненный путь так или иначе пересекался с деятельностью Оружейной палаты и чьи имена фигурируют в ее документах. Помимо супруги и как минимум двух сыновей, в документах придворной оружейной мастерской упоминается шурин мастера — замочный подельщик (предположительно, кормовой) по имени Петр¹⁴. Там же в Бронной слободе, близ церкви Иоанна Богослова жил брат Ермолы (вероятно, младший) — замочный мастер Оружейной палаты Григорий Федоров, тоже купивший двор после «*морового поветрия*»¹⁵. Вероятно, как и у многих ремесленников Оружейной палаты, на одном из принадлежащих Ермоле Федорову дворов располагалась его мастерская.

Артемий Безмин (Артемий Иванов, Артемий Устюженинов) был вызван в Москву из Устюжны Железнопольской в апреле 1660 г. и также поселился в Бронной слободе¹⁶. Артемий принадлежал к старому устюжскому кузнечному роду. В Сотных (выпись из писцовых книг) Устюжны Железнопольской 1626 г. упомянуты братья-кузнецы: Гаврила, Антип и Кузьма Безмины. Двое из них были владельцами собственных кузниц. Несколько ранее — в 1624 г. во исполнение царского указа в Сибирь отправился Иван Безмин. (Велено было отослать в Томский городок «трех человек кузнецов добрых з женами и детми, которым бы пушечное дело за обычей». Про Ивана известно, что он принадлежал к «молодчим людям». В 1630-е гг. братья Безмины выполняли в Устюжне заказы московского правительства: ковали железные ядра и решетки к воротам Китай-города¹⁷.

По мнению исследователей, умением создавать железные кованые орудия устюжские мастера владели с конца XV в. В собрании Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге хранятся 32 устюжских железных

гладкоствольных пушки калибром от 23,5 до 122 мм¹⁸. В 1626/27 гг. в Устюжну из Москвы поступал заказ на пушки — «*волконейки*» (от западного фальконеты — орудия малого размера и калибра)¹⁹.

Возможно, Артемий Безмин тоже обладал некими знаниями и навыками в области «*пушечного дела*». В 1661 г. он, вероятно, был мужчиной средних лет. Вместе с ним в Бронной слободе проживали его мать, жена и пятеро детей. Старший сын Иван (в будущем живописец Оружейной палаты) находился в подростковом возрасте.

Третий участник тульской командировки 1661 г. самопального дела — мастер Иван Константинов — был, по всей видимости, довольно молодым человеком. В январе 1660 г. он только закончил обучение у одного из ведущих мастеров Оружейной палаты — Григория Вяткина. Летом того же года Иван получил свой двор на Константиновской улице в Бронной слободе, где сразу поставил кузницу²⁰.

Во время пребывания мастеров на тульских заводах произошла трагедия вследствие неосторожного обращения с оружием. Случайным выстрелом Ермола Федоров ранил своего товарища Артемия Безмина, который впоследствии от этой раны скончался. Вернувшись в Москву, Ермола и Иван рассказали о случившемся начальству, однако попытались скрыть произошедшее от супруги Артемия — Матрены Васильевой. Впрочем, слухи о гибели мужа вскоре дошли до женщины, и она потребовала взять к допросу Ермолу и Ивана, а также доставить в Москву тело ее супруга²¹.

Большой удачей для мастеров следует признать то обстоятельство, что следствие не вышло за пределы оружейного ведомства, где мастера знали и где им поверили. Ермолу Федорову и Ивану Константинову удалось избежать тяжелых последствий и оба они продолжили службу в Оружейной палате. Едва ли в других приказах к ним отнеслись бы так же гуманно. Довольно часто подследственные по делам об убийстве заявляли о непреднамеренности своих действий или объясняли их необходимостью самообороны. В таких случаях помимо изучения обстоятельств дела, для установления истины следствием применялась стандартная для XVII в. мера дознания — пытка. Вероятно, в пользу мастеров сыграли роль показания священника, исповедовавшего Артемия Безмина, которому умирающий сам сообщил об отсутствии в действиях Е. Федорова злого умысла.

Можно с уверенностью говорить, что тульская командировка мастеров Оружейной палаты осенью 1661 г. не предполагала сколько-нибудь масштабного участия в изготовлении орудий, для этого она была слишком непродолжительной. Мастера были посланы в Тулу 1 ноября, а 18-го уже возвратились в Москву. Несчастье с Артемием Безминым произошло, когда оружейники собирались в обратный путь²². За вычетом времени на дорогу едва ли в распоряжении мастеров было более недели. Тем не менее, в начале 1662 г. новые пушки в Оружейной палате все-таки появились.

К украшению орудий были привлечены специалисты придворной оружейной мастерской, в том числе Ермола Федоров и Иван Константинов. 5 февраля 1662 г. ствольным мастерам Григорью Вяткину, Василью Титову выдали «...листового серебра шестьсот листов. Серебрили и золотили две пушки немецкия». «Февраля в 12 день ствольному мастеру Ермоле Федорову листового серебра триста листов. Серебрил две пушки немецкие по местам»²³. Работа по украшению (золочению и серебрению) «немецких» орудий и их станков-лафетов продолжается до начала мая. Кроме ствольных мастеров в ней принимает участие и замочный мастер Михаил Лыков²⁴. Иван Константинов в одной из своих челобитных писал: «Во 170-м (1662) году на Сырной (Масленичной.— С.О.) неделе по твоему государеву указу дано нам холопом твоим твое государево дело, две пушки винтовальные золотить трем человеком Григорью Вяткину, Василью Титову... И дано твое государево жалование Григорью Вяткину пятнадцать рублей, Василью Титову десять рублей, а мне холопу твоему ничего не дано»²⁵.

В мае 1662 г. били челом государю дворцовые плотники Филька Тарасов, Ивашка Филипов. «Взяты мы... из приказа Большого дворца в Оружейную палату и делаем станок дубовой с колесы к длинной заварной гладкой пушки мая з десятого числа по двадесят четвертое число тринадцатый дней опрочь воскресных дней. А поденного корму нам по се число не дано»²⁶.

Таким образом, в документах упоминаются две «немецкие», две «винтовальные» (возможно, одни и те же) и некая длинная гладкая пушка. Точное число и характеристики орудий, поступивших в Оружейную палату в начале 1662 г., нам неизвестны. Документов рассказывающих, где были созданы «немецкие» пушки 1662 г. и кто был их

создателем, обнаружить пока не удалось. Можно предположить, что это были западноевропейские специалисты, работавшие на принадлежавших голландским предпринимателям «железных заводах». Скорее всего, поездка мастеров Оружейной палаты в Тулу в ноябре 1661 г. носила ознакомительный характер. Вероятно, оружейникам предложили ознакомиться с оборудованием и технологией создания пушек и представить свои соображения относительно возможности изготовить такие орудия в Москве.

Известна дальнейшая судьба двух «*немецких*» пушек. В источниках, освещающих процесс украшения двух орудий и лафетов в Оружейной палате, отмечается, что они предназначались «*в кизылбашскую посылку*». В росписях даров, отправленных персидскому шаху в 1662 г. с посольством окольного Федора Яковлевича Милославского, фигурируют два орудия: «*Пушка заварная скорострельная о 12 винтах с сторонним клином. От казны до половины граненая о 8-ми гранях, а от половины до устья гладкая точеная. По местам золочена и посеребрена, а по золоту насечены травы, на ней же орел двоеглавой с каруною позолочен. Станок деревянный весь прорезной позолочен на красном, под зуб уставка ж. 3 крепи железных (зачеркнуто. — С.О.) по местам позолочены и посеребрены. У того ж станка (зачеркнуто. — С.О.) оправа внизу полосы железные (зачеркнуто. — С.О.) посеребренны, а гвоздья позолочены. Наверху 2 полосы и гвоздья ж и закладки все позолочены ж. На пушке и на станку чехлы на бумаге стеганные белые*».

«*Пушка заварная скорострельная о 12 винтах с отворотным шурупом. От казны до половины граненая о 8-ми гранях, а от половины до устья гладкая. В лице по местам золочена и посеребрена, а по золоту насечены травы, на ней же орел двоеглавой с каруною позолочен. Станок и оправа писано красками, оправа и гвозди, и для крепи шурупы большие сквозные з гайками поместам золочены и посеребренны. У тех пушек сорочки полотняные на бумаге стеганы, а наверху другие сорочки суконные красные*»²⁷.

К сожалению, в описаниях отсутствуют такие важнейшие параметры, как длина ствола и калибр орудий. Нет сомнений, что украшенные орудия были представлены царю Алексею Михайловичу и решение об их отправке персидскому шаху принимал лично государь. Среди документов приказа Тайных дел (личной канцелярии царя) хранятся

росписи посольских даров персидскому шаху, английскому и датскому королям с собственноручными пометками Алексея Михайловича²⁸.

К осени 1662 г. относится самое ранее выявленное в делопроизводстве Оружейного приказа известие о службе иноземного мастера Андриса Нейдгарта (Нетора, Нетхарта): *«Бьет челом... пушешной мастер Андрюшка Нейтар по твоему великого государя указу велено мне холопу твоему отделявать пушки, а твоего великого государя жалования мне ничего нейдет, з женишкою и з детишки помираю голодную смертью... Вели государь мне из своей государевой казны выдать пятьдесят рублей, да две чети муки ржаной, да пуд соли, да два четверика грешневых круп, да четверик овсяных, да две тужи свиных мяс, чем бы мне будучи у твоего государева дела з женишкою и з детишками в нынешнюю дороговь голодную смертью не погинуть».* *«Нынешняя дороговь»*, о которой пишет мастер, была вызвана обесцениванием медных денег, которыми выплачивали жалование. 17 октября оружничий Богдан Матвеевич Хитрово приказал выдать А. Нейдарту все запрошенные деньги и продукты²⁹.

Важный эпизод деятельности А. Нейдгарта описан в другой его челобитной: *«Бил челом... иноземец пушечной мастер Андриско Николаев сын. В нынешнем, государь во 171-м (1662/1663) году ехал я, холоп твой с Тулы с твоею в великого государя пушечную снастью к Москве и едуци дорогою зимнею порою в морозы позбил ногу. И лекарь меня, холопа твоего лечит по се время, а ряжено ему от того дватцать рублей. Да яз, холоп твой, занял у Филимона Филимонова тридцать рублей. Да от двора пожилото ряжено на шесть месяцев по три рубли на месяц».* Мастер просил *«...пожаловать за его работишку... и на лечение, и заемные, и от двора пожилого из своей государевы казны [деньги] выдать».* Вероятно, служба Нейдгарта была очень важна для оружничего Б.М. Хитрово, и просьбы иноземца не встречали отказа. 25 мая 1663 г. по этой челобитной Андрису Нейдарту было выдано 68 рублей. *«Взял сам с сыном Лавренком»*³⁰.

Итак, мы узнали, что поздней осенью 1662 или в начале зимы 1663 г. А. Нейдгарт приехал в Москву с тульских заводов голландца Филимона Акемы (Тилеман Лус Акем). С собой в столицу он привез некую *«пушечную снасть»* — инструменты и, возможно, заготовки для создания орудий. Вероятно, заводчик Ф. Акема ранее был знаком с Андрисом Нейдгартом, если ссудил ему довольно значительную сумму.

Согласно справочнику Штокеля оружейный мастер Андреас Нейдгарт (*Andreas Neidhart*) трудился в Копенгагене в 1630–1660-х гг.³¹ Сведений о точном времени и обстоятельствах его приезда в Россию обнаружить пока не удалось. По подсчетам исследователя истории оружейного производства И. Гамеля, голландские промышленники Виниус, Акема и Марселис пригласили на свои российские заводы из разных стран Западной Европы всего более шестисот мастеров разных специальностей: литейного, молотового и оружейного дела³². Возможно, в числе приглашенных голландскими предпринимателями специалистов в Россию выехал и Андрис Нейдгарт.

Мы не располагаем информацией, кто был инициатором заказа на изготовление группы парадных пушек, но, учитывая, что в 1661 г. в командировку на заводы были отправлены мастера Оружейной палаты, вправе предположить, что дело не обошлось без участия оружейного Богдана Матвеевича Хитрово. Не вызывает сомнений, что задачей прибывшего из Тулы в Москву «с пушечной снастью» Андриса Нейдгарта должно было стать создание новой группы парадных орудий. Вероятно, часть работы Андрис ранее уже успел выполнить на заводе у Ф. Акемы при участии группы русских мастеров Оружейной палаты.

В начале 1663 г. государю бил челом «...*Ружейной палаты кузнец Артюшка Васильев в прошлом, государь во 170-м (1661/62) году... взяты холоп твой к твоему государеву делу в Оружейную палату... Да я ж холоп твой по твоему великого государя указу был послан в Каширский уезд на железный завод с иноземцом к пушечному делу и работал одинацать недель. А ныне работаю на Москве у тех же пушок. А твоего государева жалования мне корму только по шти алтын... А у выписки Артюшка сказал делает он только винтованные да гладкие стволы, а иногo оружейного дела никакого не делает. Да он Артюшка ныне у иноземца у Андриса у пушечного дела в учениках*»³³. (Артемий Васильев был взят в мастера Оружейной палаты из Тульских кузнецов)³⁴.

В словах А. Васильева об отправке на железные заводы в Каширский уезд и словах А. Нейдгарта о возвращении «с пушечной снастью» «с Тулы» нет противоречия. Металлургические заводы на р. Тулица и металлообрабатывающие (молотовые) заводы на р. Скунга в Каширском уезде принадлежали одним владельцам, находились рядом и фактически представляли собой один производственный

комплекс. В литературе по истории металлургической промышленности в России они фигурируют как Тульско-Каширская группа железоделательных заводов³⁵. Например, Ведменский завод располагался в Каширском уезде неподалеку от дороги из Тулы в Москву. На нем ковались доски на мушкетные и карабинные стволы, изготавливались сельскохозяйственные орудия, пики, топорки, бердыши, но помимо этого «...заваривались пушки до 7 аршин и более длины, коих ядра были до 6 фунтов»³⁶.

Весной 1663 г. о выплате жалования били челом кузнецы приказа Ствольного дела Петрушка Петров, да Федька Степанов «с товарищи» — всего 6 человек. Писали: «Работаем мы холопи твои у пушечного дела у немчина у Андриса, да у Ермолы беспрестанно с корму». Приказная выписка подтверждает, что «...приказу Ствольного дела кузнецы для делки железных заварных пушек из Оружейной палаты в помощь к пушечным мастерам иноземцу к Адрису Нейтарту для дву пушек отданы». А затем, были «...отданы для пушечного дела мастеру Ермолу Федорову для третьей заварные ж пушки». Согласно документу кузнецы «у пушечного дела» трудились с ноября по март³⁷.

Столбцы и книги Оружейного приказа фиксируют различные работы и расходы ведомства, связанные с доделкой пушек, а также их лафетов. Двое «розных дел мастеров» Оружейной палаты Григорий Жданов и Павел Яковлев на Бархатном дворе оковывали пушечный станок. Два пильных мастера Ствольного приказа Иван Григорьев и Ефим Семенов «...зубили на пушки восемьдесят пил»³⁸. 18 апреля из Оружейной палаты было выплачено 4 рубля «д...ано на провоз заварные железные пушки с Кокуя к Москве»³⁹. По всей вероятности, чистовая отделка орудий происходила в Немецкой слободе, на дворе, арендованном Андрисом Нейдгартом, или каком-то ином. На Кукуе в 1660-е гг. проживало несколько мастеров оружейных специальностей, на дворах которых могли производиться подобные работы. В начале 1660-х гг. свою мастерскую в Немецкой слободе имел «виленский немчин» Бартар Кинеман⁴⁰. Помимо него дворами на Кукуе владели «пушечного дела мастер Юст Фанден — Курковен», «ружейный мастер Матвей Зуммер», «гранатного дела мастер Иван Томсин»⁴¹.

Если суммировать все данные о «пушечном деле» за 1661–1663 гг., то складывается следующая картина. Предположительно в 1661 г.

на заводы Тульско-Каширской группы поступает заказ на создание нескольких парадных орудий. В ноябре 1661 г. на заводы в краткосрочную ознакомительную командировку отправляются А. Безмин, Е. Федоров и И. Констанстинов. В начале 1662 г. заказанные орудия прибывают в Москву. Возможно, вместе с ними в русскую столицу приехал и А. Нейдгарт, которому было «*велено отделявать пушки*». Готовые орудия украшают (золотят и серебрят) ствольные и замочные мастера Оружейной палаты. Две «*немецких*» пушки летом 1662 г. отправляются в составе посольских даров в Персию. Осенью 1662 г. А. Нейдгарт, мастер Оружейной палаты Артемий Васильев и группа кузнецов Ствольного приказа вновь отправляются на заводы к пушечному делу, где работают в течение нескольких месяцев. (Сведений, подтверждающих участие в этой поездке Ермолая Федорова, не выявлено). В начале 1663 г. мастера с «*пушечной снастью*» возвращаются в Москву, где продолжают работать «*у тех же пушок*».

В росписи оружию, что было «*...в подношенью великому государю [м.т.] Алексею Михайловичу*» на Светлой неделе 23 апреля 1663 г., на первом месте указаны «*...Пушки железные: Пушка о 16 винтах ядром в гривенку длиною 2 аршин по местам золочена и серебрена делал и золотил Оружейного приказа ствольного дела мастер Ермола Федоров. Пушка о 20 винтах, ядром в гривенку, длиною в 2 аршина. Пушка гладкая ядром в пол 2 гривенки, длиною пол 5 аршина. Делал обе иноземец Андрис Нейтарт.*

Кожаные. Пушка ядром в 3 гривенки полковая пешего строю. Пушка ядром в гривенку полковая рейтарского строю. Длинною обе по 2 аршина. Делал обе иноземец Яган Фанстолпер». Пушки понравились государю и даже были на некоторое время оставлены в царских хоромах. Все трое пушечных мастеров были награждены тафтой и сукном. Кроме них пожалования удостоился и сын Андриса — Лаврентий Нейдгарт, вероятно, помогавший отцу⁴².

В собрании Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге (ВИМА-ИВиВС) хранится парадное орудие с датой 1663 и именем мастера «*Andreas Neidhard*» на стволе. Длина ствола близка к обозначенной в росписи пасхального подноса «*пол 5* (т.е. четыре с половиной. — С.О.) *аршина*» и составляет 314 см, однако калибр несколько меньше означенных в росписи полутора гривенок (в одну гривенку) — 48 мм⁴³.

Не остались без награды и кузнецы Ствольного приказа. В июле 1663 г. «...за их работу, что оне преж сего делали пушечное дело с мастера с Ермолюю и с иноземцем с Андрисом государева жалования в приказ по рублю человеку: Петрушке Петрову, Сеньке Автамонову, Тимошке Черемному, Янке Мартынову, Прошке Павлову, Федьке Степанову»⁴⁴.

Помимо тканей, Ермоле Федорову, как и другим русским мастерам Оружейной палаты, на Пасху 1663 г. велено было дать награду деньгами в сумме половины годового оклада, при этом денежный оклад мастера был повышен с 11 до 15 рублей⁴⁵. Вероятно, относительно небольшое нарезное орудие, созданное Е. Федоровым в 1663 г., было его дебютом, как пушечного мастера. Ранее 1663 г. в документах Оружейной палаты Ермолай фигурировал только как ствольный или самопальный мастер.

Железные орудия были парадными, но отнюдь не бутафорскими. Все поднесенные на Пасху 1663 г. государю пушки должны были пройти огневые испытания — так называемый «прострел»: «Мая в 20 день дано из Оружейные полаты извощиком Бронные слободы Якушку Микитину, Голутвинской слободы Ивашку Федорову за провоз трех пушек железных заварных, да дву коженых, да от дву станков, да от лубьев и от войлоков, и от ядер, и от пороху, и от мелочи осмнатцать рублев дано. По государеву указу возили те пушки для прострелу с Москвы в село Братцево пятнатцать верст. Да вощику же Ганке Федорову дано провозу 3 рубли с полтиною. В ту ж пору возил он в Братцево мастеровых людей и пушкаря четырех человек»⁴⁶. Логично предположить, что трое «мастеровых людей», выехавших на испытания, были создателями орудий: А. Нейдгарт, Е. Федоров и Я. Фанстолпер. Последнего ожидал неприятный сюрприз.

В мае же 1663 г. государю Алексею Михайловичу бил челом московский пушкарь Феоктист Елисеев: «В нынешнем, государь во 171-м (1663) году мая в 19 день по твоему великого государя указу велено простреливать твой государев пушечной снаряд — три пушки железных, да две пушки коженых. И у того прострелу я, холоп твой был, и Судом Божым те коженые пушки рвало и меня холопа твоего апалило и оглушило». За свои травмы пушкарь получил три рубля⁴⁷. В отличие от кожаных пушек, железные заварные испытание, видимо, прошли благополучно.

Орудия были обеспечены боезапасом, возможно в расчете на будущие показательные стрельбы. *«Лета 7172-го (1663) октября в 31 день... великий государь указал взять ис Пушкарского приказа в Оружейную палату против образцовых трех ядер к медным и железным заварным пушкам железных литых ядер тысяча пятьсот ядер. Да к винтованным и гладким железным заварным пушкам на ядра десять пуд свинцу»*⁴⁸.

К сожалению, о «пушечном деле» в Оружейной палате за период с 1663 по 1667 гг. информации крайне мало. В октябре и ноябре 1663 г. били челом Оружейной палаты *«розных дел мастера»* Павелко Симонов, Павелко Яковлев да Гришка Жданов: писали, что работают на Денежном дворе (дворе боярина Никиты Ивановича Романова): *«Пушки оковываем беспрестани, денно и ночью»*⁴⁹. По аналогии с предыдущим годом можно предположить, что мастера оковывали пушечные станки — лафеты. В феврале следующего 1664 г. мастер Ермола Федоров вновь значится *«у пушечного дела»*. В том же документе пометка *«к пушечному делу»* стоит напротив имени загормистра Павла Яковлева⁵⁰. (По мнению М. Н. Ларченко мастера-загормистры занимались изготовлением резных стремян⁵¹.)

По всей вероятности, активность конца 1663 — начала 1664 гг. была связана с подготовкой парадных пушек Оружейной палаты к смотру войск царем Алексеем Михайловичем на Девичьем поле. К сожалению, число и типы этих орудий нам неизвестны. В ведомости о выдаче знамен служилым людям написано: *«У пушек оружейных было 2 знамени тафтяных, одно большое писаны золотом звезды, другое меньши»*⁵².

Есть основания полагать, что создание парадных железных заварных пушек продолжалось по прежнему алгоритму. Группа мастеров Оружейной палаты и приказа Ствольных дел отправлялась на металлургические заводы Тульско-Калужской группы, где под руководством пушечных мастеров выполняла значительную часть работ по созданию орудий. Затем пушки привозили в Москву, там их доделывали, украшали, ставили на специально созданные для них станки — лафеты.

В октябре 1665 г. государю бил челом замочный мастер приказа Ствольного дела Василий Иванов: *«По твоему великого государя указу посылан я на железные заводы под Тулу отделявать пушка, (выделено нами. — С.О.) а без меня холопа твоего Оружейной Палаты мастера били челом о пятиной деньге, у каких есть лавки в Само-*

пальном ряду... и по твоему великого государя указу пятинные деньги... на них иметь не велено»⁵³. Мастер просил освободить от налога и его лавку.

С похожей просьбой в 1665 г. обратился и «Оружейной палаты ствольного и пушечного дела мастер Ермола Федоров»: «По твоему великого государя указу даны мне холопу твоему за Тверскими вороты в Кузнешном ряду два места выморочных порозжих кузничных на оброк. И я, холоп твой на одном кузничном порозжем месте для великих твоих государевых дел поставил кузницу. И с тое государь кузницы и с кузничнова порозжева места спрашивают на мне холопе твоём пятые деньги, волочат и убытчат напрасно. А по твоему в государя указу, на нашей братье на мастерах и на самопальных, пятые деньги иметь не велено»⁵⁴. Вероятно, предполагалось, что в мастерской в Кузнечном ряду у Тверских ворот мастер должен был выполнять ответственные работы для Оружейной палаты, а в свободное время мог использовать ее для своих промыслов. Едва ли Ермолу поручались более «великие» государевы дела, нежели «пушечные». Разумеется, по сравнению с Тульско-Каширскими заводами кузница Е. Федорова у Тверских ворот обладала ограниченными возможностями.

Не удалось обнаружить никаких упоминаний об участии в «пушечных делах» Оружейной палаты иноземного мастера Андриса Нейдгарта после 1663 г. В Переписной книге 1665 г. среди жителей Новой немецкой слободы имя мастера не упоминается⁵⁵. Возможно, в работе переписчиков были огрехи или А. Нейдгарт сменил место жительства. Так или иначе, в 1666 г. Андрис Нейдгарт еще оставался в Москве. В собрании огнестрельного оружия Музеев Московского Кремля хранится ружье с экзотической конструкции трехпультным стволом и надписью «*Andreas Neidhard 1666 Mos*»⁵⁶. В собрании Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге (ВИМАИВиВС) хранится казнозарядная пушка с клиновым затвором (клин не сохранился) калибром 65 мм и длиной ствола 385 см с именем мастера «*Andreas Neidhard*»⁵⁷. Сведениями о том, когда и где А. Нейдгартом было сделано это орудие, мы не обладаем.

В «Каталоге материальной части...» Андрис Нейдгарт обозначен как мастер Оружейной палаты, что не вполне справедливо⁵⁸. В росписях мастеров Оружейной палаты его имя не значится. Во всех своих челобитных и делопроизводственных документах А. Нейдгарт пишется

просто как «*пушечный мастер*», без обозначения принадлежности к какому-либо казенному ведомству. Вероятней всего, в 1661–1663 гг. он трудился «у *пушечных дел*» Оружейной палаты на договорной основе. Известно, что другому «*пушечному мастеру*» — специалисту по изготовлению «*кожаных*» орудий Ягану Фанстолперу — на время его работы из Оружейной палаты выплачивали кормовые поденные деньги по полтине на день⁵⁹. Уверенность в способностях собственного пушечного мастера — Ермолы Федорова побудила руководство Оружейной палаты отказаться от услуг иноземца. Артемий Васильев, в 1662 г. писавший о себе как об ученике Андриса Нейдгарта, свое обучение «*пушечному делу*», по всей видимости, окончить не успел.

Вероятно, в активность в области «*пушечного дела*» не была непрерывной. Ездил ли Ермолай Федоров на заводы Тульско-Каширской группы в 1664–1665 гг., нам неизвестно. В росписи о назначении производственных заданий мастерам Оружейной палаты (предположительно датируется 1665 г.) рядом с именем Ермолы Федорова стоит пометка: «*[Делать] пицаль винтованную нарядную*». Ниже уточняется, что речь идет о стволе для ручного огнестрельного оружия — нарезном, «*с травами*», длиной аршин с четвертью, калибром в восемьдесят пуль из фунта свинца. Такое же задание получили ствольные мастера Иван Константинов и Роман Олонцов⁶⁰.

Нет никакой информации о работе над созданием и украшением орудий в 1666 г. В приходе-расходной книге Оружейного приказа 1666 г. августом датированы записи о приобретении для Ермолы Федорова ста пятидесяти мехов угля «*...к решоточному делу как делал в три окна большие в Оружейную в казенную палату*». Ермоле оплатили «*...извощика из Ствольнаго приказу до Тверских ворот под большую решотку, что делал он дома в Большую казенную полату в большое окно... Да от него Ермолы везена та же решетка в Приказ Оружейной палаты*»⁶¹. Возможно над решетками мастер работал в своей кузнице у Тверских ворот. Впрочем, полной уверенности в этом нет. В документах XVII в. местоположение Бронной слободы, в которой Е. Федорову принадлежало два двора, обозначалось как «*меж Никитскими и Тверскими вороты*». В составе пасхального подноса 1667 г. парадных орудий не было. «*У Ермолы Федорова два корабина, стволы травчатые золочены. Станки яблоневого права серебряная с финифтом*»⁶².

Создание железных парадных «заварных» пушек значительного размера представляло собой сложную техническую задачу, для решения которой требовалось применение специального оборудования, а его в то время можно было найти на «железодельных» заводах вне Москвы. Планы создания в ведении Оружейного приказа современного производства, оснащенного вододействующим оборудованием, возникали у Богдана Матвеевича Хитрово в самом начале его карьеры оружничего.

Июлем 1657 г. датировано распоряжение: *«По великого государя указу быть для своего государева дела в Оружейном приказе на время з Двины от города Архангельского трем человеком немцом, которые умеют делать всякое железное дело на мельницах водяных и такие мельницы ставить... И как те мастера к Москве приедут и тех мастеров по государеву указу ис Посольского приказу велено прислать в Оружейный приказ»*⁶³. Однако достичь успеха в этом непростом деле удалось далеко не сразу.

К лету 1662 г. относятся первые упоминания в документах о «новом государевом железном заводе» на реке Ходынке. Вероятно, Ходынский металлообрабатывающий завод — это самое малоизвестное предприятие подобного рода. В литературе, посвященной истории металлургического и оружейного производства в России XVII века, не удалось обнаружить упоминаний даже о самом факте его существования. Последнее, по всей видимости, объясняется непродолжительным периодом деятельности Ходынского завода и его работой преимущественно или исключительно в интересах Оружейной палаты. На заводе трудились, сменяя друг друга, мастера кузнечных специальностей Оружейной палаты, приказа Ствольного дела, а также кузнецы, вызванные в Москву из провинциальных городов.

Согласно приказной выписке *«...в прошлом во 170-м (1662) году июля в 20 день по указу великого государя посланы были с Москвы... Оружейной палаты мастеровые люди ствольной мастер Клим Максимов, да замочный мастер Михайло Васильев з женами и с детьми на речку Ходынку к новым железным заводом. И жили они Клим и Михайло з женами и з детьми больше году... И в прошлом во 171-м (1663) году августа... числа Климу и Михайлу по их челобитью велено им з женами и з детьми жить на Москве. А на их место посла-*

ны и велено им до государева указу пожить сабельным придельщиком Ларке Литовицкому, да Антошке Иванову»⁶⁴.

В выписке, учиненной по челобитной кузнеца из Соли Галицкой Иева Никифорова, говорится: «Июня в 25 день по указу великого государя тот кузнец Иевко Микифоров з женою и з детьми ис приказу Ствольного дела отдан на речку Ходынку к государевым Новым железным заводам на житье»⁶⁵. Осенью 1662 г. о даче для житья опального двора в Бронной слободе просил взятый из Костромы «...к новому железному заводу, что на реке Ходынке» кузнец Любим Комаев⁶⁶.

Ведение делопроизводства Ходынского завода было возложено на приказных Оружейной палаты. В декабре 1665 г. царю Алексею Михайловичу били челом о жаловании «...Оружейные полаты и дел железных завод[а] подьячие Никитка Зажарской, Мишка Власов, Васька Калинин». Приказные жаловались, что мастерам Оружейной палаты жалование выдано, а им о жаловании «указу нет»⁶⁷. Каким-либо описанием производственных мощностей завода на реке Ходынке до 1667 г. мы не располагаем.

Довольно подробно освещена в источниках подготовка «пушечных дел» к пасхальному подносу 1668 г. Ермолу Федорову было велено сделать «...пару пушек о дватцати о четырех винтах, длиною по три аршина пушка, ядром свинцовым в полгривенки или больше. А заварить ему на заводе и припустить к струне (? — С.О.) и после провинтить»⁶⁸.

В июне 1667 г. был сказан царский указ «...зделать в Оружейную палату на своих великого государя Протовских железных заводах у иноземца у Филимона Акемы две пушки винтованные длиною по четыре аршина, ядром в гривенку. А для того пушечного дела на заводы указал великий государь послать Оружейной палаты пушечного дела мастера Ермолу Федорова да с ним Ствольного приказу кузнецов шти человек. А к тому пушечному делу железо и уголье, и мастерские снаги указал великий государь взять на заводах у иноземца Филимона Акемы. Сей великого государя указ приказал записать боярин и оружничей Богдан Матвеевич Хитрово»⁶⁹.

Не ясно, что заставило перенести заказ на изготовление парадных пушек с более развитых и лучше оборудованных заводов Тульско-Каширской группы на существенно уступающий им в оснащенности

Поротовский завод в Оболенском (позднее Малоярославецком) уезде на р. Протве. Возможно, предприятия в Тульском и Каширском уездах были уже загружены заказами или возникли сложности иного характера. Тульско-Каширские заводы в 1662 г. частично, а в 1664 г. полностью перешли от своих голландских хозяев в казну, однако в 1667 г. были отданы одному из прежних владельцев — Петру Марселису «...с тем чтобы зависели от Пушкарского приказа»⁷⁰.

Инициировав «пушечное дело» в Оружейной палате, оружничий Б.М. Хитрово вторгся в сферу деятельности другого специализированного ведомства. Вполне вероятно, что успехи Богдана Матвеевича на этом поприще могли вызвать ревность и недовольство у возглавлявшего Пушкарский приказ кн. Юрия Ивановича Ромодановского. Несколько позднее — в 1668 г. — П. Марселису было велено изготовить на его заводах в Пушкарский приказ «...20 пушек кованных по образцу». Однако голландец ответил, что «...кованных пушек сделать не мочно, что мастеровых людей таких у них нет, да и не прочны де кованные пушки, а вместо кованных мочно сделать литых»⁷¹.

Итак, летом 1667 г. Ермола Федоров и шесть кузнецов приказа Ствольного дела на ямских подводах отправились на Поротовский завод. Изначально предусматривалось, что часть инструментов для «пушечного дела» нужно будет изготовить на месте: «*Боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово приказал дать к двум пушкам винтованным по скаске Оружейной палаты пушечного дела мастера Ермолы Федорова на мастерские снасти к наварке на боевые молоты и на зубила, и на сверлоки, и на пилы, ис приказа Ствольного дела стали добрыя два пуда*»⁷².

Перед отъездом мастера приказа Ствольного дела обратились с просьбой о жаловании: «*Посылают нас, холопей твоих, к твоему великого государя пушечному делу на завод, а твоего великого государя жалованья — корму, нам холопом твоим нет*». По челобитью было велено дать им жалование вперед на июль «...против тое дачи как им дают на Бархотном дворе» — по 8 денег человеку на день. Кроме того, «...Оружейной палаты пушечного дела мастеру Ермоле Федорову, да сним в пособь Ствольного приказа кузнецом Переславля Резанского Петрушке Петрову с товарищами ити человеком. ...для того пушечного дела великий государь указал им мастеровым людям дать своего

государева жалованья в приказ: Ермоле Федорову десеть рублей, кузнецом по два рубли. Обоего дватцать два рубли»⁷³. Следует отметить, что размер командировочных Ермолы Федорова по сравнению с тульской поездкой 1661 г. вырос весьма существенно.

Приезд на завод пушечного мастера Ермолы Федорова выявил множество технических проблем. О сложной ситуации в Москву сообщал сам заводчик Ф. Акема: «В нынешнем государь во 175-м (1667) году июля в 12 день приехал ко мне иноземцу на Поровский железной завод твоего великого государя пушечного дела мастер Ермола Федоров, да с ним Ствольного приказа кузнецов шесть человек. И подал мне память... что велено ему Ермоле зделать у меня на железных заводах в Оружейную палату две пушки винтованных длиною полчетверта аршина, а ядро в гривенку. Да у меня же ему Ермоле Федорову велено взять к тому пушечному делу всякие мастерские снасти и железа и уголья. Велено дать без мотчания, а что к тому пушечному делу железа и уголья и мастерских снастей каких порознь дано будет, и что вновь каких мастерских же снастей зделано будет, и мне иноземцу о том о всем к тебе к великому государю велено отписать и цену тем снастем, во что станет, прислать для ведома. А у меня иноземца, государь к тому пушечному делу на Поротовских и на Угоцких заводах таких заводов и снастей нет. А какого государь железа к тому пушечному делу надобно на пушки и на снасти, что мочно у меня на заводах делоть и то, великий государь, готова»⁷⁴.

Слова голландца подтвердил в своей челобитной мастер Ермола: «Послан я, холоп твой на Поротовской железной завод к иноземцу к Филимону Акеме для пушечнаго дела. А велено мне, холопу твоему зделоть две пушки винтованных длиною полчетверта аршина по фунту ядро в добром железе. И я, холоп твой, нынешнего 175-го (1667) июля в 12 день приехов на Поровской железной завод и пересмотрил, что мошно пушки ковать и вертеть и точить. А иноземец, Филимон Акема твоего великого государя указу не ослушался: „будет де мочно делоть пушки — и ты де делой“. И по моему, холопа твоего осмотру, тех пушек ни коеми мероми делоть нельзя, по тому, что государь нету токих снастей. Ни мехов, ни молота, ни горна, ни вертельни, ни точила нет. А только государь здесь на заводе мочно зделоть доски на трубы, и трубы согнуть, и снасти всякие поделоть мочно. А зава-

ривать и ковать здесь никоими мерами нельзя. А только ты великий государь изволишь мне холопу своему изготовя здесь все и к Москве приволочиться. И те пушки мочно на Москве выковать зделов мешки». Резолюция оружничего Б. М. Хитрово гласила: «Послать память на завод. Велеть что мочно, то делать. А чего немочно, то доделать на Москве»⁷⁵.

Во время пребывания на Поротовском заводе Ермола Федоров и кузнецы в сжатые сроки проделали большую работу: *«Во 175-м (1667) году августа в 6 день самопальной и пушечного дела мастер Ермола Федоров с теми двумя пушки з заводов приехал к Москве. Подал скаску за своею рукою, что он к тому пушечному делу железа и уголья у иноземца у Филимона Акемы взял, и что по весу, и тому подал скаску за своею рукою, а в скаске пишет:... прutowова железа 29 прutow, весу в них 24 пуда, четыре трубы пушечные, да снастей пушечные ж: 4 сердешника, 11 молотов, 4 клещи, 2 куса железа, 2 сопля, весу в них 16 пуд 20 гривенок. Всего 51 пуд 20 гривенок. Да к тому ж делу пошло уголья четыре короба. Да Филимон же Акема провозу от того железа до Москвы дал провозу по 2 алтына с пуда летнюю порою. Да у него ж Филимона с железных заводов взята наемная подвода под него Ермолу с товарищи»⁷⁶.*

Сведения о пребывании Ермолы Федорова на Поротовском заводе, а равно и о привезенных оттуда инструментах и материалах могут существенно расширить представления о технологии создания парадных «железных заварных» орудий. Оборудованием, которого Ермола Федоров не нашел на Поротовских заводах, были необходимые для заваривания шва и проковки ствола высокотемпературный горн и мощный молот, а также нужные для высверливания канала ствола «вертельня» и «точило» для обработки его наружной поверхности.

На Поротовском заводе Ермолай изготовил и привез в Москву для двух пушек следующие детали: четыре трубы — для двух стволов, два «куса железа» — для казенных частей орудий, а также два «сопля» — наконечника труб для вдувания в горн воздуха, необходимого для достижения высокой температуры. Не ясно, были ли трубы откованы на половину длины ствола будущих пушек и должны были свариваться последовательно, или же откованные на всю длину стволов трубы заваривались и наковывались одна поверх другой.

Так или иначе, но после приезда в Москву для продолжения работы над пушками Е. Федорову потребовалось больше помощников. О выплате жалования на август 1667 г. били челом уже 12 кузнецов Ствольного приказа Петр Петров с товарищами, трудившихся «у государева пушечного дела безпрестани», что и подтвердил мастер Ермолай. Кормовое жалование кузнецам повысили до 10 денег на день⁷⁷. В челобитной не указано, где именно работали мастера. Эту информацию содержит другое челобитье — о кормовых деньгах на октябрь, причем теперь Петрушка Петров с товарищами заявляют себя как «пушечного дела кузнецы»: «Работаем мы холопы твои пушечное дело безпрестанно на Ходынке»⁷⁸. В ноябре на Ходынском заводе вместе с Ермолой Федоровым работали некие «...Оружейной палаты кузнецы... пушки сверлили, точили шурупы и заворот». К сожалению, в документе не названы их имена. Кузнецы Ствольного приказа Федор Степанов с товарищами (всего шесть человек) в ноябре трудились пятнадцать дней «у пушечного дела» на дворе боярина Н.И. Романова⁷⁹.

Из приказной справки мы узнаем, что на Ходынском железного дела заводе летом 1667 г. удалось создать условия для завершения работы над «заварными» орудиями. «165-го (1667) в августе месяце делали на Ходынке у пушечного строю плотину починивали и трубы конопатили, и скобами обивали, и воденое колесо починивали, и в сверленном колесе пальцы починивали, станок тачильной делали станочники (Ствольного приказа.— С.О.) Кирюшка Антипин с товарищи дватцать девять человек. А кормовых денег на день им не дано»⁸⁰.

К изготовлению пушек были привлечены не только кузнецы и станочники Ствольного приказа. Количество ремесленников, необходимых для завершения в срок сложных и трудоемких работ по созданию заварных орудий, постоянно возрастало. Государю били челом «...старой кузнецкой слободы кузнецы Левка Митрофанов с товарищи шесть человек. По твоему великого государя указу отданы мы холопы твои к твоему государеву пушечному делу к мастеру Ермоле Федорову. И работали мы, холопы твои от Рождества Христова по Масляную по четверг». Кузнецам выплатили кормовые деньги за тридцать два дня работы, «опричь воскресных дней» по восьми денег за день⁸¹. В феврале 1668 г. с просьбой о выплате кормовых денег обратились «Пархатного (так! — С.О.) двора Ствольного приказу пильные

мастера Ивашко Григорьев, Ефимко Семенов работали у пушечного дела десять недель и у иных розных дел, а государева жалованья поденного корму ничего не дано». Приказная выписка сообщает, что «...делали у пушечного дела к пушкам, которые делал ныне Ермола Федоров: зубили пилы, розрески, терпуги (напильники.— С.О.) и иные всякие дела к тому делу по наряду»⁸². Вероятно, к началу 1668 г. основные работы по изготовлению стволов пушек были завершены.

Первоначальный замысел декоративного оформления парадных орудий для пасхального подноса 1668 г. поражает своим великолепием: «176-го (1667) ноября в 20 день по указу великого государя... в приказе Серебряного дела сделать к подносному его великого государя ружью, которые Оружейной Палаты мастеровые люди делают ныне — пистолы и пицали и пушки. А к тому ружью впрядь к подносу к неделе Святыя Пасхи нынешнего 176-го (1668) году велено сделать оправы серебряные золоченые с финифтом и с камнем. А что какой оправы к тому ружью порознь велено сделать и то написано ниже сего: ...К Ермолиным двум пушкам кожухи делать серебряные чеканные травы опускные, а узор сквозной для того, что под серебром будут краски. А запал будет делать стороны (sic!). А поески делать на пушки с чернью»⁸³. Однако распоряжение в Серебряную палату от 15 февраля 1668 г. содержит лишь указание «...к двум пушкам сделать восемь поясков серебряных з чернью против бумажного образца»⁸⁴.

Планы украшения орудий пришлось существенно скорректировать, и в конечном варианте вместо серебряных накладных деталей были использованы железные. Согласно росписи мастерам Оружейной палаты, делавшим вещи для пасхального подноса 1668 г., мастер «немчин» Борис Крыгор «...сделал на две пушки винтованные железныя прорезныя клейма»⁸⁵.

20 марта 1668 г. велено было «...сделать на две пушки винтованные золоченые железные сорочки суконные красные из аглицкого сукна, а каковы сорочки в длину и в ширину делать ...и тому мера снять с пушек в Оружейной палате». Из Казенного приказа на сорочки было взято «...5 аршин сукна красного анбурского вместо англицкого»⁸⁶.

На Пасху 1668 г. среди прочего оружия государю презентовали «...2 пушки винтовалныя длиною четырех аршин ядром в гривенку по местом золочены и по золоту розканфарены травы. Пушки

делал Ермола Федоров, золотил Григорей Вяткин да Василей Титов с товарищи»⁸⁷.

В другой росписи подносным делам 1668 г. под именем Ермолы Федорова написано: *«В поднос зделал 2 пушки винтованных длиною по 4 аршина, ядром в гривенку. Золотил и серебрил он же Ермола, и то золото и серебро потерял, золотил худо. Золотили вновь Григорей Вяткин да Василий Титов. Дать ему государево жалование сукно ис покупки Андрея Фролова. А что он худо золотил и серебрил и за его пушечную работу и за старость того не спрашивать»*⁸⁸. На основании этой записи А. Н. Чубинский сделал парадоксальное предположение о возможном конфликте между Е. Федоровым и Г. Вяткиным и его учениками, хотя ни прямых, ни косвенных указаний на это данный документ не содержит⁸⁹.

Согласно расходным записям Оружейного приказа уже после Пасхи (в 1668 г. она праздновалась 22 марта) 26 марта у Воронцовские слободы тяглеца у Левки Селиверстова прозвище Блинова было куплено еще две тысячи листов сусального золота, «и то золото для золочения пушек винтовальных отдано ствольного дела мастером Григорию Вяткину да Василью Титову с товарищи». Днем позже у сусального дела мастера у Первушки Анофрева для золочения пушек была докуплена еще тысяча листов золота и так же отдана Г. Вяткину и В. Титову⁹⁰.

Накануне Пасхи бил челом о кормовых деньгах *«...Оружейные палаты розного (резного? — С.О.) дела мастер Филька Тарасов... работаю я, холоп твой у пушечнова резнова дела беспрестанно, а человекно я бедной. Праздник Светлого Христова Воскресенья приближаетца, а поднятца нечем»*⁹¹. Можно предположить, что Ф. Тарасов украшал прорезным железом станки — лафеты парадных орудий. В марте и мае оковывали станки к орудиям и ковали к пушечным станкам вертлюги кузнецы приказа Ствольного дела на Бархатном дворе⁹².

Обращает на себя внимание расхождение в документах относительно длины стволов пушек, заказанных к пасхальному подносу 1668 г. В разное время предполагаемая длина ствола определялась в три аршина, полчетверта (три с половиной) и четыре аршина. Как мы видим, Ермоле Федорову удалось выполнить пушки максимальной четырехаршинной длины. После подноса 1668 г. Ермолай получает следующее задание: *«Да ему же велеть делать вновь пару пушечек винтованных*

длиною в аршин ядро в полгривенки на них высечь в клеймах чеканом огонь, воду, землю, ветер»⁹³.

Вероятно, несмотря на успешное завершение работы над четырехаршинными орудиями, технологические и организационные сложности, связанные с их изготовлением, побудили оружничего на следующий год поручить мастеру делать маленькие пушки, стволы которых можно было бы изготовить в обычной кузнице. Примечательно указание украсить орудия символами (аллегориями?) стихий.

Сведений о проведении каких-либо работ по исполнению этого заказа в делопроизводстве Оружейного приказа не выявлено. В росписи пасхального подноса 1669 г. пушек нет, но присутствует «...*пара пицалей стволы винтованные Ермолина дела Федорова о семи винтах. На стволах в трех местах насечены травы. Замки Осипова дела Алферьева золочены по местам. У замков доски с порескою. Станок яблоневого с цветными раковинами, делали иноземцы Кирило Толкачев с товарищи*»⁹⁴. За относительно продолжительный период после 1668 г. в документах Оружейного приказа не удастся обнаружить никаких упоминаний о «*пушечном деле*». Возможно, увлеченность государя и оружничего парадными «*заварными*» орудиями ослабла или количество и качество уже изготовленных железных золоченых пушек сочли достаточным. Вышеупомянутая челобитная «*пушечного дела кузнецов*» П. Петрова с товарищами, поданная осенью 1667 г., содержит последнее по времени выявленное упоминание о Ходыньском железном заводе. Вероятно, вскоре предприятие прекратило свое существование.

Значительное число источников делопроизводства Оружейного приказа за 1673–1675 гг. освещают работы по украшению — золочению и серебрению пушечных стволов, ремонту станков и изготовлению принадлежностей к парадным пушкам. Документы свидетельствуют, что в этот период приготовления проводились к церемониям встречи последовательно: шведских, персидских и имперских послов.

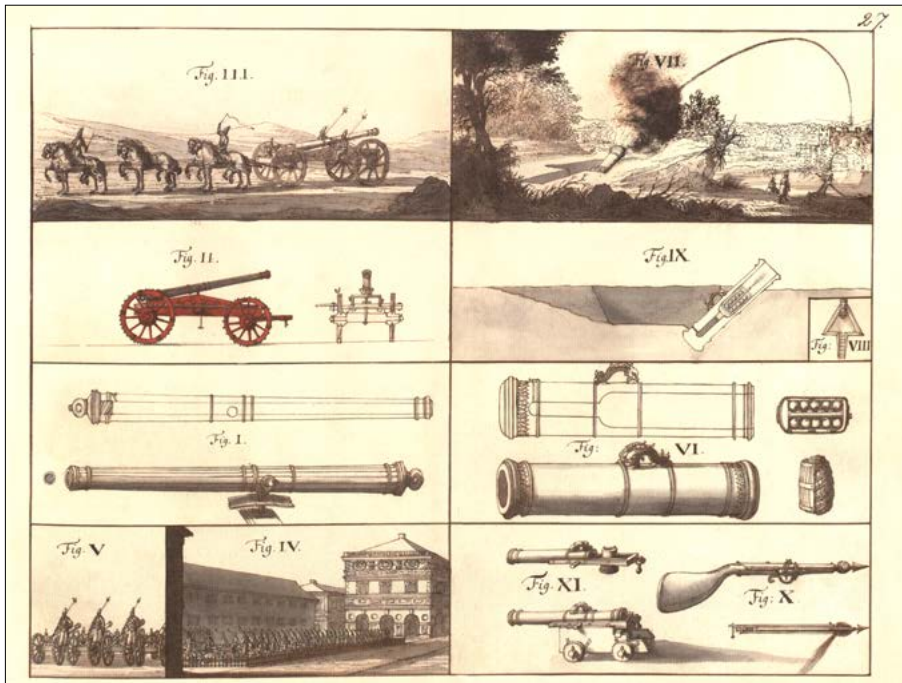
В июле 1673 г. у ствольного и замочного мастера Оружейной палаты Григория Вяткина потребовали дать «*скаску*» о количестве сусального золота и серебра, необходимого для украшения восьми пушек, «...*которые присланы из Пушкарского приказу в нынешней же во 181 (1673) году июля в 10-м числе*». Помимо значительного количества драгоценных материалов, Григорию Вяткину для выполнения этой задачи

потребовалась рабочая сила: *«Кузнецов чернodelьцов 20 человек. 6 человек ствольных и замочных мастеров, кому золотить»*⁹⁵. 12 июля количество присланных из Пушкарского приказа пушек увеличилось до девяти⁹⁶. В росписи фигурирует девять железных орудий длиной ствола от семи до полутора аршин, калибром от шести до трех четвертей гривенки⁹⁷. Для украшения этих орудий понадобилось перековать сотни монет в десятки тысяч листов сусального золота и серебра. Причем 300 золотых для этой цели Оружейному приказу пришлось позаимствовать в Мастерской палате⁹⁸.

Для работ по украшению пушек был отведен особый *«сарай»* на принадлежавшем Оружейному приказу дворе боярина Никиты Ивановича Романова⁹⁹. Под началом Григория Вяткина несколько недель трудились тринадцать кузнецов Ствольного приказа: *«Были у пушечново дела у обтирки под золото и под серебро»*¹⁰⁰. Сентябрем 1673 г. датируется *«Роспись мастеровым людям замошным мастером, которые робят на дворе боярина Никиты Ивановича Романова у пушечного дела»*. В списке перечислено шесть имен, напротив каждого из которых стоит пометка *«десять ден»* — время работы, за которое им надлежало уплатить кормовые деньги¹⁰¹. О происхождении орудий, присланных из артиллерийского ведомства, мы узнаём: *«Деланы на Коширских железных заводах и присланы ис Пушкарского приказа в Оружейную полату»*¹⁰².

19 декабря 1673 г. ствольного дела мастер Василий Титов получил деньги на три воза угля. *«По указу великого государя велено позолотить пушку Ермолина дела Федорова»*¹⁰³. 20 декабря в 20-й день сусальнику заплатили за тысячу листов сусального золота. *«По указу великого государя тем золотом золотить две пушки на выезд для встречи Свийских послов ствольного дела мастерам Григорью Вяткину да Василью Титову с товарищи»*¹⁰⁴. Таким образом, помимо девяти орудий, присланных из Пушкарского приказа *«для встречи Свийских послов»*, были украшены три пушки работы Ермолы Федорова: двухаршинная пушка 1663 г. и два четырехаршинных орудия 1668 г.

16 января 1674 г. была дана память о пожаловании *«...мастеровых людей ствольного дела мастеров Григория Вяткина, Василия Титова, Афанасия Вяткина, железных прорезных дел Бориса Крыгора за золочение 12 пушек да 12 бердышев, которые были на выезде против*

**Иллюстрации из альбома
«Заметки о России сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году»**

Оригинал хранится в National Archives, Sweden, Department Marieberg.

Фотограф — Emre Olgun

свиских послов». Велено было дать из Сибирского приказа: Григорию Вяткину 2 пары соборей ценою одна в 6 рублей, другая в 5 рублей, Афанасию Вяткину и Василию Титову по паре по ценою в 6 рублей, Борису Крыгору пару в 2 рубля¹⁰⁵.

Участник шведского посольства 1674 г. капитан Эрик Пальмквист свой рассказ о русской артиллерии начинает с описания железных кованых нарезных казнозарядных пушек: *«К приезду шведских послов царь приказал позолотить 12 таких пушек вместе с лафетами. Они создавали великолепное зрелище»¹⁰⁶*. 5 января ствольный мастер Оружейной палаты Афанасий Вяткин получил тесьму шелковую цветную, сыромятные ремни и *«тридцать колодок гвоздей луженых»*, *«...а велено ему... на пушку железную золоченую большую сделать на казну помощь»¹⁰⁷*. В январе 1675 г. сторожу Оружейной палаты было велено купить в числе различных материалов необходимых для подготовки

«Алам» — знак пушкарей

Россия, Москва, вторая половина XVII века. Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-85

встречи персидских дипломатов «б боранов красных» (бараньих кож), далее в тексте документа уточняется, что «бораны к пушкам на подушки» — для обивки откидных сидений на лафетах¹⁰⁸. Единственным документальным свидетельством о наличии на парадном оружии серебряных украшений (явно небольшого размера) является память о выдаче серебряного дела мастеру Даниле Кузьмину денег на половину золотого: *«Велено тем золотом позолотить цку серебряную гладкую на пушку железную кованную золоченую к выезду Персицких послов»*¹⁰⁹. 25 января Афанасий Вяткин поручает 16 алтын *«...на починку пушечных станков... на выезд для встречи персицких послов»*¹¹⁰. 22 фев-

раля «...Оружейной палаты ствольного дела мастеру Ермоле Федорову на четыре ремня четыре алтына. По указу великого государя велено ему сделать к двенадцати пушкам железным золоченым кованым подъемы к фтулкам деревянным»¹¹¹. Если понять, что представляла собой «помощь на казну» проблематично, то относительно «подъемов к фтулкам» можно предположить, что это ременные петли — ручки к деревянным дульным затычкам.

В начале июня двенадцать парадных золоченых орудий сопровождали царя Алексея Михайловича в поход в село Воробьево¹¹². В конце июля парадные орудия готовили к отправке в ближнее государево село Коломенское. 23 числа Афанасий Вяткин получает деньги на ремни

Пальник артиллерийский, парадный
Россия, Москва, вторая половина XVII века.
Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-76

и на сало квашенинное и сало ветчинное: «*Те ремни к двенадцати пушкам железным золоченым на привяску дышел, а сало квашенинное на смаску пушек и пищалей, которые пушки отпущены к нему великому государю в поход в село Коломенское, а ветчинным салом велено смазать колеса пушечных станков*»¹¹³. 31 июля 1675 г. подьячий Оружейного приказа Никита (Микита) Зажарский получил деньги на наем верховой лошади: «*А по указу великого государя ездил он за пушками, за пищалами золочеными (сопровождал. — С.О.) в поход в село Коломенское*»¹¹⁴.

Осенью 1675 г. царь Алексей Михайлович дал аудиенцию послам императора Священной римской империи германской нации «*в своем государевом ближнем селе в Коломенском*». Участник посольства Адольф Лизек отметил: «*На двух довольно больших дворах стояли воины с знаменами и разным оружием, между которым отличались две серебряные пушки, называемый змеиными*»¹¹⁵. Присутствие парадных орудий с золочеными стволами было зафиксировано и в посольской книге. Дипломаты, наблюдавшие возвращение царя из похода в Троице-Сергиев монастырь 12 октября, увидев царский конвой — стрельцов Стремянного полка с золочеными карабинами — спросили у приставов: «*Почему на поле не видно золоченых пушек?*» Приставы отвечали послам: «*Такие пушки бывают у его царского величества в подмосковных селах Преображенском, Коломенском и на Воробьеве, когда его величество в тех селах бывает*»¹¹⁶.

Бальтазару Коэту, состоявшему в свите голландского посла, посчастливилось увидеть церемонию выхода царя на водосвятие 16 января 1676 г. (по григорианскому календарю). Описывая парадный строй стрелецких полков, иноземец сообщил в своем сочинении: «*Полки, на которые делились эти войска, имели каждый свой особый цвет; иные были зеленые, другие желтые, серые, белые, синие, красные, фиолетовые, а иные были и пестрые, то есть не имели одноцветной формы. Некоторые роты в полках носили бердыши или полумесяцы, другая мушкеты и бердыши, третьи копыя. У каждой роты было полевое орудие, очень аккуратно отлитое и искусно выработанное, или умело выкованное из железа при помощи молота. Они стояли на посеребренных лафетах, на 4-х колесах; эти лафеты тянулись двумя, четырьмя или шестью лошадьми с прекрасными попонами, на которых были*

вышиты гербы его царского величества». Парадные орудия присутствовали и при въезде посла в Москву 21 января.

На аудиенцию в Кремль посол проследовал 27 числа: *«В замке, по левую сторону, мы, подвигаясь вперед, увидели около двадцати железных орудий, которые, как нам сказали, все были выкованы, а не отлиты; некоторые из них были совершенно гладки и в различных местах вызолочены; лежали они на роскошно расписанных и позолоченных лафетах. У каждого орудия стояли два пушкаря с позолоченными бляхами на груди, украшенными гербами его царского величества. В руках у них были полумесяцы (бердыши.— С.О.) и фитили, на которых были гербы его царского величества, именно изображения позолоченного двуглавого орла»¹¹⁷.*

29 января 1676 г. (по юлианскому календарю) царь Алексей Михайлович скончался. Отцовский престол наследовал старший из царевичей — Федор Алексеевич. Пасху в 1676 г. праздновали 23 марта. Росписи пасхального подноса этого года не выявлено, и ввиду печальных событий, нет уверенности, что он вообще состоялся.

Оружничему Б. М. Хитрову явно хотелось произвести впечатление на молодого государя, сделав пасхальный поднос следующего 1677 г. особенно запоминающимся. *«По указу великого государя велено ему Ермоле сделать... ему великому государю в поднос пушечку гладкую, длиною в полтора аршина с вершком, весом в отделке дву пуд. И положить на ней травы накладныя прорезныя и на казне высечь орел двоеглавой в клейме, да под рутчками положить две травы ж накладныя прорезныя»¹¹⁸.* Сведения обо всем необходимом для создания этого орудия мы можем почерпнуть из росписи, поданной Ермолаем Федоровым в Оружейную палату.

«184-го (1676) марта в 28 день по указу великого государя и по приказу боярина и оружничего Богдана Матвеевича Хитрова делал я Ермола в поднос великому государю пушечку длиною в полтора аршина с вершком, весом в отделке два пуда. А на тое пушку и на сердешники и на сверла пошло моего железа 5 пуд... да стали рекутки полпуда... и уголья 108 мешков... Работником 5 человеком давано по 2 алтына человеку на день, а работали 6 дней. Да на ту ж пушку я наймывал 2 человека отдельщиков своими деньгами, а отдельщиком дано рубль 20 алтын 2 деньги. И тово железа и уголья и кормовых денег, что дано

работником из Оружейные палаты мне не выдано. А роспись писал сын его Куземка Ермолаев». Казна возместила все расходы, из Оружейной палаты мастеру было выдано «семь рублей восемь алтын четыре деньги»¹¹⁹.

Обращает на себя внимание, что впервые длина ствола заказанного орудия была указана с точностью до вершка. Последние известные нам заказы на изготовление парадных пушек в 1667 и 1668 гг. предусматривали изготовление парных орудий с равной длиной ствола и калибром. Возможно, указание Ермолаю Федорову делать пушку длиной в полтора аршина с вершком объяснялось желанием получить орудие близкое к одному из тех, которыми Оружейная палата уже располагала.

В собрании Музеев Московского Кремля хранится железная кованая пушка¹²⁰ калибром 37 мм, длиной ствола 111 см (122,5 с винградом) и весом 27,8 кг.¹²¹

Орудие украшено четырьмя накладными прорезными пластинами с гравировкой: у дульного утолщения, выше и ниже цапф, и на казенной части с изображением двуглавого орла под двумя коронами. Орудие практически полностью соответствует заданию, которое получил в 1676 г. Ермолай Федоров, лишь вес орудия несколько отличается в меньшую сторону от изначально предписанных двух пудов. Данное орудие экспонировалось на выставках в России и за рубежом¹²².

Как упоминалось выше, в собрании Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге хранится небольшое железное парадное орудие калибром

Парадная пушка $\frac{3}{4}$ гривенки

Ермолай Федоров. Борис Кыргор (?) Россия, Москва 1676 г.
Музеи Московского Кремля. Инв. № Арт-783

Дульный срез, средняя и казенная части парадной пушкв $\frac{3}{4}$ гривенки
 Ермолай Федоров. Борис Крыгор (?) Россия, Москва 1676 г.
 Музеи Московского Кремля. Инв. № Арт-783

35 мм, длиной ствола 112 см и весом 26 кг. На стволе выбита монограмма Андриса Нейдгарта «АНН» и дата — «1661». Ствол пушки украшен чеканным орнаментом, золочением и серебрением. В каталоге материальной части отечественной артиллерии калибр пушки определен как $\frac{3}{4}$ гривенки¹²³. По калибру и массогабаритным характеристикам орудие Ермола Федорова 1676 г. очень близко к пушке работы Андриса Нейдгарта 1661 г.

Относительно места создания орудия А. Нейдгарта 1661 г. и времени его поступления в Оружейную палату ясности нет. Орудие небольшого размера и массы могло быть создано как на заводе, так и в обычной кузнице без применения тяжелого оборудования. В росписи орудий, «...которые деланы на Коширских железных заводах и присланы ис Пушкарского приказу в Оружейную полату» для украшения в 1673 г., присутствует пушка с длиной ствола и массой близки-

ми к пушке А. Нейдгарта 1661 г., но несколько отличная по калибру: «Пищаль гладкая ядром полгривенки. Длинною пол 2 аршина. Весу пуд 22 гривенки»¹²⁴. Кроме того, к этому описанию близко по длине ствола и калибру (дл. ствола 116 см, калибр 1/2 гривенки — 27 мм), но несколько легче по весу (19 кг) и другое орудие из собрания Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге (ВИМАИВиВС) — известная пушка с горизонтальным клиновым затвором¹²⁵.

Работы по украшению пушки Ермолы Федорова продолжались. 18 апреля 1676 г. по приказу боярина и оружничего Богдана Матвеевича Хитрово велено было сторожу Оружейной палаты Роману «...взять... у Ермолы Федорова пушечку подносную и отвезть к Ивану Салтанову. А Ивану Салтанову ободочки резныя росписать разными красками. А что пойдет красак взять по сей росписи в Оружейной палате»¹²⁶.

В июле поступило распоряжение начать работы по изготовлению лафета к этому орудю: «Зделать в Оружейной палате к пушечке гладкой, которую делал к нему великому государю в поднос пушечного дела мастер Ермола Федоров, станок деревянной с колесы и оковать железом свицким и полудить оловом аглинским, а что будет к тому делу надобно железа олова по скаске мастеров и всяких запасов и то приказали покупать, а деньги давать из Оружейные палаты». Мастера Оружейной палаты Филипп Тарасов и Павел Яковлев с товарищами дали «скаску», по которой «...надобно им к тому делу на оковку пушечного станка десять пуд железа свицкого, восемь досок жерезных свицких кованых, десять возов уголья, пуд смоль, три пуда олова аглицкого, полпуда стали». Все материалы с платой за провоз обошлись Оружейной палате в двенадцать рублей, пять алтын, две деньги¹²⁷. Как ни удивительно, лафет обошелся казне дороже, нежели само орудие.

Последнее по времени известие о работах, производимых над лафетом, относится к сентябрю 1676 г. Согласно росписи «...Ствольного приказа замочного дела мастерам Евсетка Марков с товарищи три человека по указу великого государя работали на дворе боярина Никиты Ивановича Романова к пушечному станку сквозные железные рези резали. А делали то дело прошлого 184-го (1676) году августа с шестаго на десять числа, сентября по 16 число». Мастерам велено было выплатить жалование «...по осми денег на день человеку». На документе присутствуют пометки: «А то дело приказано живописцу Ивану

Безмину» и *«У дела был живописец, Иван Безмин»*¹²⁸. Не ясно, был ли поручен живописцу сугубо административный контроль над работой замочных мастеров или *«сквозные железные рези»* представляли собой декоративные элементы, выполненные по его художественному замыслу. К сожалению, лафет орудия не сохранился.

Не удалось обнаружить сведений о мастере, выполнившим накладные прорезные пластины на ствол орудия 1676 г. Возможно, как и в 1668 г. *«железные прорезные клейма»* на ствол пушки Ермолая Федорова делал мастер — выходец из Западной Европы Борис Крыгор. В пользу этой версии говорит присутствие в орнаменте ажурных пластин с элементами гротеска — изображениями причудливых существ, вписанных в растительный орнамент.

Обращает на себя внимание винград орудия в виде шара с перпендикулярно проточенными сквозными отверстиями и завершением в виде желудя. Несмотря на то, что орудие 1676 г. является дульнозарядным, его винград имитирует казенную часть *«скорострельных»* железных заварных пушек с винтовым запирающим устройством ствола. Орудие *«с отворотным казенным шурупом»* и характерным винградом изобразил в своем альбоме капитан Эрик Пальмквист, посетивший Россию в составе шведского посольства в 1674 г. Предполагалось, что в отверстия винграда должна вставляться Г-образная рукоятка, облегчавшая отпирание и запираение зарядной камеры. Среди принадлежностей к железным парадным казеннозарядным орудиям, отправленным в Персию в 1662 г., такая рукоятка присутствовала: *«К тем же пушкам ключ, а у ключа руковедь — кость рыба щадровая»*¹²⁹. Однако для пушки Ермолая Федорова 1676 г. винград такого типа никакого практического значения не имел.

В росписи, что *«...зделано в Оружейной палате по наряду к нему великому государю в поднос на праздник недели Святые Пасхи к нынешнему ко 185-му (1677) году всяких оружейных розных дел»* написано: *«Ермола Федоров зделал пушечку железную, гладкую длиною полтора аршина с вершком и положены накладные травы железные прорезные»*¹³⁰.

Возможно, пушка 1676 г. была одной из последних, или даже последней работой Ермолая Федорова: *«И 185-го (1677) генваря в 2-й день Ермола Федоров по обещанию своему при смерти постригся»*.

В приходе-расходной книге отмечено, что из заслуженного мастером годового жалования ему выдали 6 рублей. Быть может, эти деньги понадобились для вклада, чтобы Ермолу приняли в монастырь. (В 1664 г. с необходимостью внести денежный вклад столкнулся пожелавший окончить свои дни в монастыре Никита Давыдов¹³¹.) В следующем 1678 г. Ермолай Федоров скончался: «А достальные недодаточные деньги оклад ево девять рублей даны... за пушечное дело сыну ево Ермолину живописцу Дорофею Ермолаеву на пропитание матери ево, и впредь на поминоку отца иво»¹³².

Вероятно, парадная пушка работы Е. Федорова была и последним парадным железным кованым орудием Оружейной палаты. Никаких сведений о «пушечном деле» в придворной оружейной мастерской позднее 1676 г. выявить не удалось. Согласно росписи 1682 г. в Оружейной палате хранилось 12 железных орудий, большинство из которых опознаются как поступившие из Пушкарского приказа в 1673 г. Последними среди них написаны «...2 пушечки, по весу по 2 пуда. Длиною полтора аршина с вершком. Ядром по гривенке»¹³³. Предельный лаконизм описания, а также некоторые отличия в весе и калибре орудий не позволяют с полной уверенностью заключить, что речь идет об условно парных орудиях А. Нейдгарта 1661 г. и Е. Федорова 1676 г.

Нет никаких сомнений, что орудие работы Ермола Федорова фигурирует в Переписной книге оружейной казны 1686/87 гг. среди орудий, хранящихся в Нижней палате в Оружейной палате Московского Кремля: «Пушка железная длиною полтора аршина с лишком. У запалу и у дула, и у перей — четыре решотки железные прорезные розивечены красками. У запалу орел двоеглавой. А по нынешней переписи 195-го (1686/87) году и по осмотру, та пушка против прежних переписных книг сошлась. Цена пятьдесят рублей»¹³⁴.

Последний известный случай использования железных пушек в парадно-церемониальных мероприятиях русского двора относится к февралю 1692 г. Для встречи персидских послов в стрелецкие полки Ивана Цыклера и Лаврентия Сухарева из Пушкарского приказа было велено «...дать железных заварных золоченых по три пушки в полк, с станки, с колесы, со всем на ходу, из тех же пушек которые бывали в стрелецких полках для таких же посольских встреч наперед сего»¹³⁵.

В XVIII столетии железные орудия из Оружейной палаты были переданы в Московский цейхгауз Конторы артиллерии и фортификации, а в 1786 г. двенадцать пушек с золочеными и серебряными стволами на станках и лафетах были отправлены в Санкт-Петербургский Арсенал в Достопамятный зал (в Артиллерийский музей). Сведения о пребывании этих орудий в Троице-Сергиевой лавре, приведенные в «Каталоге материальной части отечественной артиллерии», не подтверждаются документами¹³⁶.

Ссылки

¹ Орленко С. П. Мечи и протазаны. К вопросу о церемониальных новациях русского двора второй половины XVII века // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. — М., 2014. — Вып. 22. — С. 45–95; Орленко С. П. Русские щиты Оружейной палаты XVII века // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. — СПб., 2014. — Ч. III. — С. 317–336.

² Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде — М., 1997. — С. 25.

³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА) Ф. 396. Оп. 1. Д. 7764. Л. 77.

⁴ Железнов В. Ф. Указатель мастеров русских и иноземцев горного, металлического и оружейного дела и связанных с ними ремесел работавших в России до конца XVII в. — СПб., 1907. — С. 60.

⁵ Вышенков В. П., Маковская Л. К., Сидоренко Е. Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. — Л., 1961. — С. 165, 167. № 303, 304.

⁶ Большая советская энциклопедия — М., 1970. — Т. 2. — С. 265.

⁷ Мастерство русских оружейников из собрания Музеев Московского Кремля. — Самара, 2011. — С. 15, 23.

⁸ Чубинский А. Н. Василий Титов и Ермолай Федоров — самопальные мастера Оружейной палаты второй половины XVII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. — СПб., 2013. Ч. IV — С. 403–425.

- ⁹ Там же.— С. 414–415.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5646. Л. 1–3.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 947. Л. 105 об.—106.
- ¹² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5793. Л. 6.
- ¹³ Романов М. Ю. Московская Бронная слобода. История и люди.— М., 2010.— С. 155.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 947. Л. 103 об.
- ¹⁵ Романов М. Ю. Московская Бронная слобода...— С. 140; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 949. Л. 41 об.
- ¹⁶ Романов М. Ю. Московская Бронная слобода...— С. 58, 129.
- ¹⁷ Пугач И. В. Устюжна Железнопольская в XVI — XVII веках // Устюжна: Краеведческий альманах.— Вологда, 2002.— Вып. 5.— С. 5–86.
- ¹⁸ Яковцевский Б. М. Пищали и самопалы Устюжны Железнопольской // Устюжна: Краеведческий альманах.— Вологда, 1995.— Вып. 3. Прил. 2.
- ¹⁹ Пугач И. В. Устюжна Железнопольская...— Вологда, 2008.— Вып. 6.— Таб. 1
- ²⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7120. Л. 10, 12, 14; Там же. Д. 6971. Л. 1–4; Романов М. Ю. Московская Бронная слобода...— С. 128.
- ²¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7813. Л. 1–5.
- ²² Там же. Л. 3–4.
- ²³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 951. Л. 19 об.
- ²⁴ Там же. Л. 19 об.—25.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7764. Л. 39.
- ²⁶ Там же. Д. 8157. Л. 107.
- ²⁷ Там же. Д. 7997. Л. 39–41; Там же. Д. 51248. Л. 13–14 (Документ с утратами текста — С.О.); РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 14. Л. 10 об., 115 об., 116.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 200. Л. 1–25.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8259. Л. 1–1 об.
- ³⁰ Там же. Д. 8558. Л. 1–2.
- ³¹ Ed. E. Heer. Der Neue Stockel.— Schwabisch Hall, 1979.— Т. 2.— S. 863. (Приношу глубокую благодарность А. Н. Лобину за консультации и помощь.)
- ³² Гамель И. Описание Тульского оружейного завода, в историческом и техническом отношении.— М., 1826.— С. 27.
- ³³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8724. Л. 7–9.

³⁴ Там же. Д. 10023. Л. 1.

³⁵ См. Бакланов Н. Б., Мавродин В. В., Смирнов И. И. Тульские и Каширские заводы в XVII в. — М.; Л., 1934; Кошман Л. В. Мануфактура // Очерки русской культуры XVII века. — М., 1979. — Т. 1.

³⁶ Гамель И. Описание Тульского оружейного завода... — С. 19–20.

³⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8446. Л. 4–5.

³⁸ Там же. Л. 44, 88.

³⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8448. Л. 13.

⁴⁰ Там же. Д. 8893. Л. 129–130.

⁴¹ Переписная книга Новой немецкой слободы 1665 г. // Переписные книги Москвы 1665–76 гг. — М., 1886. — С. 232–236.

⁴² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8725. Л. 1, 15, 18; Там же. Д. 8553. Л. 2.

⁴³ Вышенков В. П., Маковская Л. К., Сидоренко Е. Г. Каталог... — С. 167.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8446. Л. 145.

⁴⁵ Там же. Д. 8490. Л. 1–2.

⁴⁶ Там же. Д. 8448. Л. 31.

⁴⁷ Там же. Д. 8547. Л. 1–1 об.

⁴⁸ Там же. Д. 8788. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Д. 9287. Л. 27, 58.

⁵⁰ Там же. Д. 8930. Л. 1, 7.

⁵¹ Ларченко М. Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. — М., 1984. — Вып. 4. — С. 190.

⁵² Яковлев Л. П. Русские старинные знамена // Древности Российского государства. Дополнение к III отделению. — М., 1865. — С. 113. Прил.

⁵³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9802. Л. 5.

⁵⁴ Там же. Д. 9884. Л. 1.

⁵⁵ Переписная книга...

⁵⁶ Инв. № Ор-1158/1–2 (ОП 7550).

⁵⁷ Вышенков В. П., Маковская Л. К., Сидоренко Е. Г. Каталог... — С. 169.

⁵⁸ Там же. — С. 167.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8446. Л. 69.

⁶⁰ Там же. Д. 37143. Л. 1.

⁶¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 954. Л. 49–50.

⁶² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10897. Л. 2.

⁶³ Там же. Д. 11016. Л. 5–6.

⁶⁴ Там же. Д. 8747. Л. 14–16.

⁶⁵ Там же. Д. 8724. Л. 2–4.

⁶⁶ Там же. Д. 8246. Л. 1.

⁶⁷ Там же. Д. 9997. Л. 1, 6–7.

⁶⁸ Там же. Д. 11185. Л. 2.

⁶⁹ Там же. Д. 10964. Л. 1.

⁷⁰ Гамель И. Описание Тульского оружейного завода... — С. 23; Бакланов Н. Б., Мавродин В. В., Смирнов И. И. Тульские и Каширские заводы... — С. 16–19.

⁷¹ Дополнения к Актам историческим. — СПб., 1853. — Т. V. — С. 393–394. № 77.

⁷² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10964. Л. 2–8.

⁷³ Там же. Д. 11053. Л. 1–3.

⁷⁴ Там же. Д. 11016. Л. 1–2.

⁷⁵ Там же. Л. 1 об., 3.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11295. Л. 45–49.

⁷⁷ Там же. Д. 11178. Л. 1–3.

⁷⁸ Там же. Д. 11351. Л. 1–1 об.

⁷⁹ Там же. Д. 11373. Л. 22–23.

⁸⁰ Там же. Л. 16.

⁸¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11945. Л. 13–13 об.

⁸² Там же. Д. 11656. Л. 8, 11.

⁸³ Там же. Д. 11413. Л. 1.

⁸⁴ Там же. Д. 11603. Л. 1.

⁸⁵ Там же. Д. 11823. Л. 20.

⁸⁶ Там же. Д. 11392. Л. 60–63.

⁸⁷ Там же. Д. 11708. Л. 2.

⁸⁸ Там же. Д. 11823. Л. 6–7.

⁸⁹ Чубинский А. Н. Василий Титови Ермолай Федоров... — С. 411–412.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11295. Л. 1, 58, 71.

⁹¹ Там же. Д. 11656. Л. 30.

⁹² Там же. Д. 11749. Л. 11, 12, 13.

⁹³ Там же. Д. 11823. Л. 7.

⁹⁴ Там же. Д. 12267. Л. 2–3.

⁹⁵ Там же. Д. 14465. Л. 1–3.

- ⁹⁶ Там же. Д. 14469. Л. 1; Там же. Д. 14600. Л. 1–2.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 14473. Л. 1; Там же. Д. 14475. Л. 1.
- ⁹⁹ Там же. Д. 14500. Л. 1; Там же. Д. 14504. Л. 1–6; Там же. Д. 15401. Л. 1–2.
- ¹⁰⁰ Там же. Д. 51566. Л. 1–4.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 13872. Л. 65.
- ¹⁰² Там же. Д. 14469. Л. 1.
- ¹⁰³ Там же. Д. 49350. Л. 1.
- ¹⁰⁴ Там же. Д. 49459. Л. 1.
- ¹⁰⁵ Там же. Д. 14819. Л. 1–2.
- ¹⁰⁶ Пальмквист Э. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 г. — М., 2012. — С. 259–260.
- ¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15349. Л. 1.
- ¹⁰⁸ Там же. Д. 15369. Л. 1–2.
- ¹⁰⁹ Там же. Д. 15387. Л. 1.
- ¹¹⁰ Там же. Д. 15401. Л. 1–2.
- ¹¹¹ Там же. Д. 15444. Л. 1.
- ¹¹² Там же. Д. 15476. Л. 46–46.
- ¹¹³ Там же. Д. 15574. Л. 1.
- ¹¹⁴ Там же. Д. 15579. Л. 1.
- ¹¹⁵ Статистическо-географическое описание российского государства в начале XVII столетия // Журнал министерства народного просвещения. — 1837. — № 11. — С. 352–353.
- ¹¹⁶ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1 Д. 24. 1675. Л. 198, 315, 418–418 об.
- ¹¹⁷ Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. — СПб., 1900. — С. 377, 389, 402–403.
- ¹¹⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 16032. Л. 1.
- ¹¹⁹ Там же. Д. 15864. Л. 1–2.
- ¹²⁰ Музеи Московского Кремля Инв. № Арт-783.
- ¹²¹ Взвешена А.Н. Чубинским 22.09.2010 на весах транспортной фирмы «АРТ-курьер».
- ¹²² Treasures of the Moscow Kremlin. Arsenal of the Russian Tsars. A Royal Armouries Exhibition. — Hampshire, 1998. — P. 80. Kat. 50; Мастерство русских оружейников... — С. 15, 23.
- ¹²³ Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Каталог... — С. 165. № 301.

¹²⁴РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 14600. Л. 1–2.

¹²⁵Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Каталог...—
С. 163. № 300.

¹²⁶РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15878. Л. 1.

¹²⁷Там же. Д. 16034. Л. 1–2.

¹²⁸Там же. Д. 16215. Л. 1–2.

¹²⁹Там же. Д. 51248. Л. 15

¹³⁰РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 16897. Л. 4.

¹³¹Там же. Д. 8893. Л. 329–330.

¹³²РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 958. Л. 53.

¹³³РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20792. Л. 26.

¹³⁴РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 643–643 об.

¹³⁵Акты юридические.— СПб., 1838.— С. 374. № 347.

¹³⁶Новоселов В.Р. Судьба арсенала Троице-Сергиевой лавры: мифы и документы // Материалы и исследования Музеев Московского Кремля.— М., 2012.— Вып. XXI.— С. 319–320; Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Каталог...— С. 164.